

МЕДИА И ПРОБЛЕМА БЕЗУСЛОВНОГО ПРИНЯТИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ж. ДЕРРИДА ЭТИКИ Э. ЛЕВИНАСА

Д. С. Артамонов¹, А. Д. Сквородко^{1, 2}

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
г. Саратов (Россия)

²Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич – СГУ, г. Саратов (Россия)

Введение. Сегодня проблема безусловного принятия связана с утверждаемой необходимостью в репрезентации как можно большего числа различий между людьми, которые отныне вольны сами конструировать собственную идентичность. В сфере медиа (например, в модной индустрии и индустрии кино) это приводит к повышенному вниманию за тем, чтобы одобрение и признание могли получить также и те, кто до недавних пор не соответствовал принятым стандартам красоты.

Методы. В основе исследования лежит компаративистский анализ, через который будет рассмотрена этическая философия Э. Левинаса и Ж. Деррида, посвященная принятию Другого и оказавшая влияние на современный дискурс об инаковости.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Отталкиваясь от практической философии И. Канта и этической мысли Э. Левинаса, Ж. Деррида полагает необходимым безусловное принятие Другого как особую этическую максиму. Соглашаясь с Кантом в том, что желание не должно обуславливать человеческую волю в следовании универсальным законам нравственности, Деррида стремится отвязать принятие и от самого долга. Принимать Другого, исходя из желания так поступить или только из чувства долга (единственное, что остаётся после отказа от желания), становится невозможным и недопустимым, согласно самому этому долгу. В таком случае безусловное принятие образует невозможную фигуру, будучи одновременно едва ли осуществимым, но всё же необходимым.

Заключение. Поскольку желание и какая-либо иная личная расположенность не должны, согласно данным авторам, быть основанием для безусловного принятия, то современная тенденция к созданию привлекательного образа Другого, руководствующаяся этическими соображениями, может быть рассмотрена как избыточная по отношению к самому требованию безусловного принятия, если мы будем считать желанность и привлекательность средством для выполнения этого требования, а не косвенным результатом следования ему.

Ключевые слова: желание, деконструкция, медиа, мода, принятие, этика.

Введение. Сегодня постановка вопроса об отношении к Другому / различию характеризуется тем, что, во-первых, рассматривается теперь в контексте не терпимости или «толерантности», а «*признания*». «Толерантности...же слишком мало, а потому заявление о терпимости будет восприниматься как оскорбление. Однажды добившись толерантности, различные меньшинства борются уже за признание» [15, с. 105]. Но кажется, что и «признание» не полностью отвечает современному положению дел, и что приходится говорить скорее о *принятии* (ибо признание можно заработать негативным путем: через непринятие и неприязнь). Дело заключается не просто в том, чтобы создать комфортную и безопасную среду для Другого, но принять, то есть *полюбить* его, каким бы тот ни был – такова новая *этическая* максима. Это требование выполняется на самых разных уровнях, но мы хотели бы обратить внимание на его воплощение в среде медиа. На определенные подвижки в отношении к инаковости указывает тот же пересмотр политики модных журналов или кас-

тинга актёров и создания персонажей в киносъёмках в сторону идей бодипозитива, который по определению связан с признанием, так как в рамках его мировоззрения «любая фигура не просто приемлема, а прекрасна от начала и до конца» [7], и пропагандируются «безусловное принятие человеческого тела любой формы и борьба с дискриминацией по внешности» [10].

Предметом настоящей статьи является возникшая в цифровой культуре сцепка этики и эстетики, когда первое и второе проникают друг в друга: эстетика и те впечатления, что мы получаем от созерцания образа чужого тела, снова становятся предметом этики. «Основной принцип современной моды – принятие разнообразия» [13, с. 76]. Этика теперь не ограничивается следованием некоторым универсальным максимам, но требует, как кажется, куда большего: любви, восхищения и желания по отношению к Другому. На это любят указывать как возможные сторонники подобных нововведений [13], полагающие такой опыт гуманным и положительным с этической точки зрения, так и противники [2], для которых трансформация общественных вкусов имеет насильственный характер и продиктована узкой, заинтересованной в том политической группой (будь то финансовые элиты или «маргинальные» слои общества и т. д.).

Также принято отмечать радикализм этих тенденций. В публичной дискуссии остаётся в итоге разве что определиться со своим собственным отношением – положительным или отрицательным – к этому радикализму, соглашаясь с одной из выше приведённых позиций. Но мы хотели бы задать вопрос: *а действительно ли это требование радикально, то есть приводит к серьёзным переменам и вкусов, и нравственности?* Так ли обстоит дело, что Другой, наконец, получает и свободу самовыражения, и наше принятие? Возможно, что это требование безусловности, которое сегодня предъявляется к вкусовым предпочтениям потребителя, не только не закрывает ту проблему, что Другой всё ещё предстаёт как лишённый признания, но и прямо этому способствует: «Красота культурного образа... отказывает в существовании тому, что не подходит под её лекала...» [11, с. 122], когда единственным способом получить принятие становятся попытки совпасть с чужими вкусами, пусть даже путём их предварительной трансформации. В чём здесь заключается проблема для этики, могут дать понять два автора, которым часто приписывают прямое влияние на формирование современного дискурса о Другом и необходимости уважать различие между Я и Другим. Речь идёт об Э. Левинасе и его ученике Ж. Деррида. Некоторые аспекты их идей, так и не получившие своего практического воплощения, являются предостережением для нашего стремления обусловить принятие Другого через трансформацию вкусов и потребительских запросов, поскольку, когда эти мыслители говорят о *безусловном* принятии, *безусловное* не играет роль простого риторического оборота, но продумано строго философски до своих пределов.

Методы исследования. Данное исследование берёт в качестве основного метода компаративистский анализ. Мы обратимся к тому, как Ж. Деррида и Э. Левинас

проблематизируют известную оппозицию желание / долг (здесь Деррида вступает в полемику с Кантом), показывая, почему невозможно отдавать предпочтение ни одному из этих полюсов – ни аффективной сфере, ни отсылающей строго к этическим максимам. Через полученные из этого анализа выводы могут быть проинтерпретированы современные тенденции в отношении проблемы принятия, которые были описаны выше. В основной части мы вначале укажем на определенную разницу между проблемами, которые ставят Левинас и Деррида. Их внимание к несколько различным проблемам является причиной чуть большего внимания, которое Деррида получит в данной статье. Затем мы обратимся к дерридианской деконструкции вышеназванной оппозиции, приводя в качестве примеров феномены современной модной индустрии. Поскольку практическая сфера заданной проблемы – медиа, не будет лишним обратиться к тому, что сами медиа пишут об интересующем нас предмете.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Деррида, вслед за Левинасом, признаёт в качестве сущности нравственности такое принятие Другого, которое не затрагивало бы его свободу [19, р. 75]. В отличие от Левинаса, уделившего данному вопросу внимание, но в меньшей степени (к примеру: «Страх за моё бытие, являющийся моим отношением к смерти, это не страх перед небытием, а страх перед насилием (тем самым он перерастает в страх перед Иным, перед тем, что совершенно непредвидимо)» [9, с. 236]), он всё же не готов видеть в Другом, главным образом, жертву. Он, не будучи здесь оригинален, рассматривает его, в том числе как *нежелаемую* потенциальную угрозу, от которой мы заслоняемся, когда, например, возникает задача перевести этику в область права и политики, которые, на самом деле, *уже всегда*, считает Деррида, её «предавали» [21, pp. 65–70].

Поэтому философ ищет *границу безусловного* отношения к инаковости [20, pp. 133–135]. Выделенная курсивом фраза является оксюмороном, и как раз в приоткрываемой здесь невозможности заключается вопрос Деррида уже покойному учителю: «Как быть с целостью и сохранностью «я» в безусловном приёме Другого?» [21, pp. 58-59]. Эта негативность Другого по отношению к Я может быть обнаружена уже у Ж. П. Сартра в его размышлениях о садомазохистской позиции Я в коммуникации с Другим [12, с. 379–394]. Здесь же отметим, что проблема выбора и его ограниченности была осмыслена уже Левинасом в фигуре «третьего», который, как говорит подхватывающий этот образ Деррида, «не ждёт» [21, р. 63], но всегда остаётся неучтённым и принесённым в жертву. Таким образом, Деррида развивает вопросы, которые были поставлены не им (и не только философами вообще), делая их одной из основных проблем своего позднего творчества. Под особым ракурсом эти вопросы, собранные больше в текстах Деррида, чем в текстах Левинаса (единственное, чем обусловлено наше чуть большее внимание к одному, а не к другому), будут рассмотрены нами в дальнейшем.

Признавая необходимость в «некоторой дискриминации», Деррида, в первую очередь, брал в качестве примеров проблемы миграционной политики и не затрагивал прямым образом интересующую нас тему принятия чужого тела. Однако его

размышления, всегда, на самом деле, говорящие о *принятии как таковом*, могут быть применены к самым разным сферам общественной и частной жизни, включая вопросы телесности и отношения к ней, где тематика желания также кажется более очевидной. Точно так же и гостеприимство для него и Левинаса не исчерпывается названным так культурным феноменом, описанным этнологами, но касается принятия Другого вообще, являясь общим названием для такого принятия и в то же время одним из его имён.

Мы бегло показали выше, какую *этическую* роль в случае принятия тела начинает играть желание. Полезным теперь было бы обращение для начала к кантовской практической философии, ряд интенций которой Ж. Деррида пытается развить. В отличие от И. Канта, который справедливо видел в желании, в смысле склонности или заинтересованности в личной выгоде, угрозу для прямого практического следования форме универсального нравственного долга [8], Деррида не считает, что оно должно быть исключено из этической сферы в пользу долга или наоборот. «Соблюдение обязательства уклоняться от правила ритуализированной благопристойности заставляет также выйти за рамки самого языка долга. Не следует быть дружелюбным или вежливым из чувства долга» [6, с. 21]. Следование, например, правилам гостеприимства только из чувства долга сделало бы гостеприимство обусловленным этим долгом [22, р. 77] и к тому же выдало бы определённую фальшь. Дарить *только* по требованию – это не проявление щедрости, а в конечном счёте сухой формализм [18, р. 177; 19, р. 175]. Итак, *долга мало* для принятия.

Но Деррида всё же не бросается от долга к желанию. Скорее он в других своих текстах соглашается с Кантом и ставит желание перед одной серьёзной трудностью. Его вместе с Левинасом интересуют безусловность, универсальность принятия *как* гостеприимства. «Гостеприимство... это сама этика» [21, р. 94]. В свою очередь, «гостеприимство бесконечно, или же его нет... оно настроено на принятие идеи бесконечного, а значит, безусловного» [21, р. 91]. Что касается характера такой безусловности, то он у Деррида многообразен. «Если имеет где-то место безусловное гостеприимство, оно должно быть открыто посещению другого, который приходит, когда угодно...» [23, р. 111]. Но безусловность здесь подразумевает не только открытость чему и кому угодно или даже отказ выдвигать условия перед Другим, а также, как было установлено выше, отказ принимать по принуждению или *требованию, даже этическому*. Замечания, сделанные насчёт долга, равно применимы к желанию. Желание также обуславливает этику и принятие. Если я гостеприимен потому, что *хочу* принять, тогда гостеприимство, конкретный его акт, вновь обуславливается моим желанием, становясь чем-то контекстуальным [18, р. 103]. Или если я дарю *из* чувства щедрости, *из* желания подарить, то и здесь дар обусловлен контекстом в виде моей личной расположенности [24, р. 205].

Разумеется, мы берём желание в крайне узком смысле связанных с ним этических апорий. И Левинас, и Деррида видят в нём также некоторое «трансцендентальное» или, сказал бы Левинас, «метафизическое» измерение, в котором желание оказывается не удовлетворимо в принципе, поскольку направлено на Другого в его не-

данности, а потому, строго говоря, оно более не связано с потаканием нашим нуждам, к которым мы здесь желание сводим. «Метафизическое желание направлено на совсем иное, на абсолютно другое... В основе обычно понимаемого желания лежит нужда» [9, с. 74]. У Деррида данные рассуждения можно прочесть в связи с неуловимым понятием дара [3, с. 165], который, как мы видим, соединяет оба измерения желания, и даже в более ранних работах [5, с. 294], явно вдохновленных психоанализом [17, р. 407]. Соединить две эти разные проблематики («метафизического желания» и нужды) – нелегкая задача, которая перед нами в данном случае не стоит, однако примечателен сам факт того, что Левинас и Деррида вместе стремятся переосмыслить желание и отвязать его от стремления к овладению.

Итак, всё же видя в желании некоторую опасность для этики, Деррида в чём-то возвращается к сказанному Кантом о гетерономии воли, но здесь необходимо, наконец, развернуть все следствия такого тезиса. Можно сказать, что на «эмпирическом уровне» желание имеет дело только с тем, что предъявляет себя субъекту, и с тем, что бросает желанию вызов, устраивает своего рода провокацию: я желаю *или* не желаю впустить такого-то гостя. То есть желанию предстоит определиться касаясь того, хочет оно иметь дело с *конкретным и всегда случайным* объектом или нет (вот отчасти почему Деррида различает безусловное гостеприимство как открытость кому угодно и обусловленное, которое всегда имеет дело с конкретным и определённым гостем [22, р. 29]). Однако всё это становится крайне неоднозначным, стоит нам направить желание на Другого, который никогда не исчерпывается полем видения Я. «Бесконечно-другой... не мыслится, исходя из горизонта, всегда остающегося горизонтом того же самого» [4, с. 148], – вторит Левинасу Деррида. И у самого Левинаса «лицо Другого постоянно разрушает и превосходит предъявляемый мне пластический образ» [9, с. 88].

За горизонтом сознания (в феноменологическом смысле), и тем самым присутствия и желания, а также, если мы вернёмся к заявленной тематике, по ту сторону медиа (связанных для Деррида с тематикой присутствия [26, р. 150]) существовали, существуют и будут после нас существовать отверженные, которых мы не отвергали, но чьи имена мы так и не услышим. «Конечно, движение (бодипозитива) сделало немало хорошего для тех, чьи тела раньше было принято обделять вниманием, но, вместе с тем, оно сформировало свой собственный стандарт красоты, которому не всякий может соответствовать» [7]. Всё это в том числе потому, сказал бы Деррида, что «я не могу отвечать на зов, требования, обязательство или даже *любовь*, не принося в жертву другого другого, прочих других» [25, р. 68]. Такой «недосмотр», связанный с установкой самих медиа на виртуализацию идентичности [15, с. 102], является определённо нашим просчётом, и его можно подправить (в том числе корректировкой медийной повестки и т. д.), но всегда только в какой-то мере и не полностью – Другой сохраняет свой неисчерпаемый статус, а обосновать наш фаворитизм в отношении одного тела, но не в отношении иного, становится трудно. Конечно, у Деррида это возражение касается не одного только желания, но этики как таковой, однако это следствие чрезвычайно важно, если мы всё ещё утверждаем, сле-

дую современной тенденции, что этике не чужды желание и аффект, ограниченные полем нашего восприятия.

Само тело и его пластичность в точности отображают эту неданность Другого, о которой говорят Левинас и Деррида, постоянное откладывание его эпифании, её стирание: «В форме медиареальности мы имеем не тело, а некую по-гуссерлевски понятую неоформленную и неорганизованную материю (hyle)» [11, с. 125]. Превращаясь в серию сменяющих друг друга масок, оно, как и Другой вообще, *способно* вызвать как влечение, так и отвращение, неприязнь. Это довольно общий момент, но к нему Деррида питал большой интерес: несмотря на своё стремление к безусловности, в некоторых случаях принятию положены пределы, преступление которых для него в равной степени и требуется (этикой и/как законом гостеприимства), и является чем-то нежеланным (если мы не допускаем возможность саморазрушительных тенденций по типу садомазохизма субъекта у Сартра). Для желания сохраняется возможность отторжения.

На миг отстраняясь от тематики тела, скажем, что условность желания определённо может быть противопоставлена безусловному гостеприимству и универсальности этики, поскольку здесь всегда уже вводятся, как показывает Деррида, некоторые ограничения, в том числе правовые и политические: «Мы... *хотим* найти согласие между нашим желанием чистого гостеприимства и между необходимостью в некоторой дискриминации. Я *не хочу* впускать тех, кто может уничтожить не только меня, но и моих жену и ребёнка...» [20, р. 134]. Помимо того, что в некоторых случаях моя открытость другому будет этически сомнительным решением (ибо она, например, послужит угрозой для жизни других людей, как в приведённой цитате), здесь также подключается измерение желания и нежеланного, которое в ряде случаев может даже обходиться без того, чтобы искать для моей закрытости какой-то этический аргумент: проблема в том, что я способен просто не хотеть принимать – и необязательно причиной для этого будет какая-то реально осязаемая и всеми признаваемая угроза. И действительно, не оказывается ли тело, несмотря на всё, точно так же способно вызвать отторжение? Из этого можно сделать вывод, что мои собственные предпочтения – не лучший гарант для этического поступка, что и заставляет Деррида пересмотреть место желания, понятого как личный интерес, в тех же практиках дарения и гостеприимства.

Дискриминационный, слишком зависимый от контекста характер желания и (в меньшей степени, но всё же) долга, не являясь центром рассуждений Левинаса и автора проекта деконструкции, заставляет их пересмотреть классические оппозиции и скрывающиеся ими иерархии субъект/объект, Я/Другой, гость/хозяин [14, 93–122], что, правда, не является предметом настоящего исследования. «Опыт общения, по Левинасу, ...возникает до субъект-объектных отношений», а в «отношении «Я – Другой» именно Другому принадлежит инициатива: «я» – сторона пассивная, Другой – активная» [1, с. 100, 102]. Вместе с тем, как было сказано ранее, само желание тоже получает своё переосмысление и отделяется от нужды и чужой прихоти, становясь неудовлетворимым по существу.

Заключение. Итак, принятие и этика Другого должны как-то пройти меж двух огней: не исчерпываться без остатка в этическом требовании, а сам этот *остаток* в виде некоторой аффектированности, желания или избыточного благодушия *точно так же* не должен служить мотивом для принятия, о чём писал ещё Кант. Ни долга, ни желания. Последнее, помимо того, что принадлежит мне, как конечному смертному существу, неспособному уделить внимание всем прочим смертным, зависит от моих собственных предпочтений. Их можно бесконечно расширять и «перевоспитывать», но оттого *возможность* столкновения с нежелаемым (не говоря уже о морально неверном) не исчезнет, с чем считались и Левинас, и Деррида.

Можно сделать следующий вывод о желании и принятии в медиа-реальности. С точки зрения наших авторов, будет ошибочным добиваться принятия Другого, создавая из него привлекательный и желанный образ, причём не имеет значения, предшествуют ли этому перевоспитание устоявшихся вкусов или подстраивание под них с целью угодить. Или, по крайней мере, неправильно отождествлять заработанное таким способом принятие с принятием *безусловным*, относящимся строго к этике. Собственный интерес к Другому может быть косвенным эффектом такого безусловного отношения, а не его причиной. Ведь если не удаётся сегодня разорвать или хотя бы ослабить связь долга и желания, то, видимо, принятию остаётся лишь одно – как-то попасть в зазор между ними. В связи с этим Левинасом и Деррида будет задан вопрос о (не)возможности или *основании* – в онтологическом смысле условия возможности – такого принятия. Однако для обоих авторов проблема начинается уже на уровне самого вопроса. Ведь несводимость моих отношений с Другим ни к одному из двух выведенных полюсов (желание / долг как основание для такого отношения, делающего его возможным) показывает, что призыв к *безусловному* принятию Другого связан скорее с начатой Кантом деонтологизацией этики и принятия, когда вопрос ставится не о возможном основании этического поступка, а об этичности самого основания.

Определение пересмотренной этики как будто (даже в отличие от категорического императива, где для наших поступков задаются хотя бы определённая форма или принцип) не имеет положительного содержания и всецело строится на отрицании того, что к ней не может быть отнесено. Может ли она «воплотиться», а не только бесконечно ускользать от нас, то и дело «загрязняясь» тем или иным условием – это отдельный и сложный вопрос (и вообще, законен ли он, например, с точки зрения Ж. Деррида?). Тем не менее Э. Левинас и Ж. Деррида задают обширный горизонт проблем, сохраняющих свою актуальность тогда, когда тематика «принятия Другого» становится центральной. Тем важнее уметь обходить препятствия, возникающие на пути к этому принятию.

Список литературы

1. Вдовина И. С. Проблема человеческой взаимности в современной философии Франции // Философские науки. 2017. № 9. С. 98–117.
2. Вигилант М. Первородная дискриминация. URL: <https://insolarance.com/firstborn-discrimination/> (дата обращения: 04.11.2022).
3. Деррида Ж., Марион Ж. Л. Дискуссия о «Даре» // Логос. 2011. № 3. С. 144–172.

4. Деррида Ж. Насилие и метафизика // Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 124–249.
5. Деррида Ж. О грамматиологии. М.: Ad Marginem, 2000. 513 с.
6. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алтейя, 2015. 191 с.
7. Йебоа С. Бодипозитив: почему движению за признание любых форм еще многое предстоит преодолеть. URL: <https://www.vogue.ru/beauty/bodipozitiv-pochemu-dvizheniyu-za-priznanie-lyubyh-form-eshe-mnogoe-predstoit-preodolet> (дата обращения: 04.11.2022).
8. Кант И. Метафизика нравов. Введение в метафизику нравов. URL: <https://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 04.11.2022).
9. Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
10. Нэгейбауэр Ж. «Твое тело – наше дело»: Что мы знаем о бодишейминге. URL: https://ambivert.club/body_shaming/ (дата обращения: 04.11.2022).
11. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 350 с.
12. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
13. Трушина Т. Л. Презентация тела в современной моде: от гламура к гендерной флюидности // Вестник ЧелГУ. 2018. № 2 (412). С. 74–78.
14. Феконод А. Обоснование этики у Жака Деррида: дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск, 2019. 266 с.
15. Хомяков М. Толерантность как парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4. С. 98–112.
16. Яковлева М. В. Мода в гендерной идентичности молодежи цифровой эпохи // Вестник СПбГИК. 2019. № 1 (38). С. 99–102.
17. Belsey C. Desire in theory: Freud, Lacan, Derrida // Textual Practice. 2008. № 7 (3). Pp. 384–411.
18. Caputo J. The Prayers and Tears of Jacques Derrida religion without religion. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 340 p.
19. Caputo J., Derrida J. Deconstruction in a nutshell: a conversation with Jacques Derrida. New York: Fordham University Press, 1997. 208 p.
20. Caputo J., Michael J. God, gift and postmodernism. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 321 p.
21. Derrida J. Adieu à Emmanuel Levinas. Paris: Galilée, 1997. 216 p.
22. Derrida J., Defourmantelle A. De L'hospitalité. Paris: Calmann-Lévy, 1997. 142 p.
23. Derrida J. Dire l'événement, est-ce possible? Paris: L'Harmattan, 2001. 113 p.
24. Derrida J. Donner le temps. La fausse monnaie. Paris: Galilée, 1991. 232 p.
25. Derrida J. The Gift of Death. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1995. 115 p.
26. Naas M. Miracle and Machine. Jacques Derrida and the Two Sources of Religion, Science, and the Media. New York: Fordham University Press, 2012. 407 p.

Авторская справка

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, г. Саратов, Россия. E-mail: artamonovds@mail.ru

СКОВОРОДКО Александр Денисович, магистрант философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет; сотрудник Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич – СГУ, г. Саратов, Россия. E-mail: skovorodko1182000@mail.ru

UDC 101.1: 316«312»

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.9

MEDIA AND THE PROBLEM OF UNCONDITIONAL ACCEPTANCE IN J. DERRIDA'S INTERPRETATION OF THE ETHICS OF E. LEVINAS

D. S. Artamonov¹, A. D. Skovorodko^{1, 2}

¹SSU, Saratov (Russia)

²Zonal Scientific Library, Saratov (Russia)

Introduction. Today, the problem of unconditional acceptance is connected with the asserted need to represent as many differences as possible between people who are now free to construct their own identity. In the media (for example, in the fashion industry and the film industry), this leads to increased attention to ensure that approval and recognition can also be received by those who, until recently, did not corresponded the accepted standards of beauty.

Methods. The study is based on a comparative analysis, through which the ethical philosophy of E. Levinas and J. Derrida, dedicated to the acceptance of the Other and which influenced the modern discourse on otherness, will be considered.

Results. Based on the practical philosophy of I. Kant and the ethical thought of E. Levinas, J. Derrida considers that the unconditionally accept of the Other is necessary as a special ethical maxim. Agreeing with Kant that desire should not condition the human will in following the universal laws of morality, Derrida seeks to release acceptance from duty itself. Accepting the Other out of a desire to do so or only out of a sense of duty (the only thing that remains after the refusal of desire) becomes impossible and unacceptable, according to this very duty. In this case, unconditional acceptance forms an impossible figure, being at the same time hardly feasible, but still necessary.

Conclusion. Since desire and any other personal sympathy should not, according to these authors, be the basis for unconditional acceptance, the modern tendency to create an attractive image of the Other, guided by ethical considerations, can be considered as redundant in relation to the very requirement of unconditional acceptance, if we let's consider desirability and attractiveness as a means to fulfill this requirement, and not as an indirect result of following it.

Keywords: Desire, deconstruction, media, fashion, acceptance, ethics.

References

1. Vdovina I.S. The Problem of human reciprocity in modern french philosophy. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2017. V. 9, pp. 98-117. (in Russian).
2. Vigilant M. Pervorodnaja diskriminacija. Available at: <https://insolarance.com/firstborn-discrimination/> (accessed 04. November.2022).
3. Derrida Zh., Marion, Zh.L. Diskussija o «Dare» // Logos. 2011. V. pp. 144-172.
4. Derrida J. *L'écriture et la différence*. Paris, Éditions du Seuil, 1967. 437 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pis'mo i razlichie*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2000. pp. 124-249.).
5. Derrida J. *De la Grammatologie*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1967. 450 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O Grammatologii*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 513 p.).
6. Derrida J. *Essai sur le nom*. Paris, Editions Galilee, 1993. 128 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Jesse ob imeni*. Sankt-Peterburg, ALETEJJa Publ., 2015. 191 p.).
7. Jeboa S. Bodipozitiv: pochemu dvizheniju za priznanie ljubyh form eshe mnogoe predstoit preodolet'. Available at: <https://www.vogue.ru/beauty/bodipozitiv-pochemu-dvizheniyu-za-priznanie-lyubyh-form-eshe-mnogoe-predstoit-preodolet> (data obrashhenija 04.11.2022).
8. Kant I. Metafizika нравов. Vvedenie v metafiziku нравов. Available at: <https://www.civisbook.ru/> (data obrashhenija: 04.11.2022).
9. Levinas E. Totalité et Infini. La Haye, Martinus Nijhoff, 1961. 284 p. (Russ ed.: Levinas Je. Total'nost' i beskonechnoe. Moscow., Sankt-Peterburg, Universitetskaja kniga Publ, 2000. 416 p.)
10. Njegejbaujer Zh. «Tvoe telo — nashe delo»: Chto my znaem o bodishejminge. Available at: https://ambivert.club/body_shaming/ (data obrashhenija: 04.11.2022).
11. Savchuk V.V. *Mediafilosofija. Pristup real'nosti* [Media Philosophy. Fit of reality]. Sankt-Peterburg, Russkaja hristianskaja gumanitarnaja akademija Publ, 2012. 350 p.

12. Sartre J-P. *L'être et le néant*. Paris, Gallimard, 1943. 687 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.P. *Bytie i nichto*. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p.).
13. Trushina T.L. Presentation of body in contemporary fashion: from glamour to gender. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2018, no. 2 (412), pp. 74-78. (in Russian).
14. Fekondo A. Obosnovanie jetiki u Zhaka Derrida [Justification of ethics in Jacques Derrida]. Ph. D. thesis. Novosibirsk, 2019. 266 p.
15. Homjakov M. Toleration: a paradoxical value. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. [The Journal of Sociology and Social Anthropology] 2003. V 4. pp. 98-112. (in Russian).
16. Jakovleva Marija Viktorovna Fashion in digital age youth gender identity. *Vestnik SPbGIK*. [Bulletin of Saint Petersburg State Institute of Culture]. 2019. V 1 (38). pp. 99-102. (in Russian).
17. Belsey C. Desire in theory: Freud, Lacan, Derrida. *Textual Practice*. V 7 (3). 2008. pp. 384-411.
18. Caputo J. The Prayers and tears of Jacques Derrida religion without religion. Bloomington, Indiana University Press, 1997, 340 p.
19. Caputo, J., Derrida, J. Deconstruction in a nutshell: a conversation with Jacques Derrida. New York, Fordham University Press, 1997, 208 p.
20. Caputo J., Michael J. God, gift and postmodernism. Bloomington, Indiana University Press, 1999, 321 p.
21. Derrida J. Adieu à Emmanuel Levinas. Paris, Galilée, 1997, 216 p.
22. Derrida J., Defourmantelle A. De L'hospitalité. Paris, Calmann-Lévy, 1997, 142 p.
23. Derrida J. Dire l'événement, est-ce possible? Paris, L'Harmattan, 2001, 113 p.
24. Derrida J. Donner le temps. La fausse monnaie. Paris, Galilée, 1991, 232 p.
25. Derrida J. The Gift of death. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1995, 115 p.
26. Naas M. Miracle and machine. Jacques Derrida and the two sources of religion, Science, and the Media. New York, Fordham University Press, 2012, 407 p.

Author's Bio

ARTAMONOV Denis Sergeevich, PhD in History, associate professor, doctoral student, Department of Theoretical and Social Philosophy, SSU. Saratov, Russia. E-mail: artamonovds@mail.ru

SKOVORODKO Alexander Denisovich, graduate student, the Faculty of Philosophy Zonal Scientific Library, V. A. Artisevich, SSU, Saratov, Russia. E-mail: skovorodko11182000@mail.ru

Библиографическая ссылка

Артамонов Д. С., Сковородко А. Д. Медиа и проблема безусловного принятия в интерпретации Ж. Деррида этики Э. Левинаса // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 9–18. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.9